

В музее Николая Островского

(От нашего специального корреспондента)

В центре Москвы, на углу улиц Горького и Пушкинской площади, 25 октября открыт для широкого обозрения музей Николая Островского. Музей не работает еще и двух месяцев, но его посетили тысячи москвичей и приезжих.

Несомненно, что музей в качестве памятника любимому писателю-большевику сделался уже популярным среди широких масс трудящихся. Достаточно познакомиться с многочисленными и единственными заявлениями посетителей, записавших свои впечатления в альбом отзывов, чтобы понять, как велико воспитательное значение этого музея.

Литературно-мемориальная экспозиция нового музея вызывает у знакомых с ней глубокие и сложные ощущения. Здесь, перед лицом волнующих экспонатов связанных с жизнью и деятельностью Н. А. Островского, как бы снова переживаешь всю тяжесть утраты замечательного, такого близкого всем нам человека и писателя и, вместе с тем, убеждаешься еще в еще раз, что мужественная жизнь и героический труд писателя-большевика не пропали даром. Ведь его произведения «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» выдержали уже 201 издание на 40 языках народов СССР и 14 иностранных языках, с тиражом в 4 с лишним миллиона экземпляров! Для многомиллионных масс читателей Советского Союза и трудящихся за границей произведения Николая Островского давно сделались книгами любимыми, книгами из-

ставниками, книгами-путеводителями в жизни и классовой борьбе...

Широкая лестница обыденного многоэтажного московского дома привела нас к двери бывшей квартиры писателя. Из окон этой квартиры виден памятник А. С. Пушкину. А на той стороне раздвинувшейся помолодевшей улицы мы видим один из новых грандиозных домов, воздвигнутых по сталинскому плану реконструкции Москвы. Дом-гигант, только что освобожденный от лесов, на своем фронтове, поднял высоко в небо стройную женскую фигуру, олицетворяющую молодость и счастье человечества...

Вместе с вами в музей вошел военный в форме старшего лейтенанта. Сотрудникам музея он представился как земляк и сверстник Николая Островского. Мы видели, с вами

волнением этот посетитель, только что приехавший в Москву с харьковским поездом, всматривался в фотографии шепетовского периода жизни Н. А. Островского. На этих старых снимках он узнавал педагогов и учеников шепетовского городского училища, в котором учился он сам, вместе с Николаем Островским. Он разыскал среди фотографий портреты бывших комсомольских и партийных деятелей Шепетовки, показывая нам исторические места, братские могилы. В мемориальной комнате, где протекали все дни московской жизни писателя, мы взволнованно слушали энергичный, бодрый голос Николая Островского, записанный на патефонную пластинку. Закончив осмотр земляк писателя написал в книге посетителей о глубоком впечатлении, вынесенном из музея.

Здесь же рядом с трогательными семейными фотографиями, мы находим самый ранний из сохранившихся автографов Николая Островского, относящийся к 1914 году. Нетвердым, детским почерком десятилетнего Коля пишет: «Дорогой папочка! Я слава богу жив и здоров, чего и тебе желаю. Я поступил в городское училище. Папочка, я за тобой скучаю. Досвиданья, милый папочка. Остаюсь твой сын Н. О.». Тут же помещен портрет Коли в форме ученика городского училища.

Витрина за витриной раскрывают перед нами образ Николая Островского — активного участника гражданской войны, горячего комсомольца и твердого большевика, начинающего и быстро крепнущего писателя, человека исключительного мужества и силы, победившего тягчайший недуг, прославленного автора искреннейших произведений зрелого борца за торжество коммунизма во всем мире.

Вот застекленный стол с экспонатами, характеризующими Н. Островского, как литератора, как неутомимого труженика. Здесь собраны автографы писателя. Надо всмотреться в эти много раз перечеркнутые строки, исправленные в разных стадиях творчества, в рукописи, после машинной переписки и в гранках, чтобы понять, как много работал Н. А. Островский над

своим стилем, языком, диалогом. Он боролся за простоту и краткость речи, заменял и изгонял из текста пышные слова и выражения. Под благотворным влиянием А. М. Горького, молодой писатель-большевик научился избегать в своих произведениях фотографирования фактов, обрел простоту, яркость и экономность изложения.

Стоя возле этого стола, вы поймете, как трудно давалась человеку исключительной мужественности победа над слепотой и параличом ног — тягчайшими недугами, приковавшими Н. Островского к постели в течение 8 последних лет его жизни.

Рука не разучилась писать... Но когда глаза не видят, строки напечатают одна на другую и написанное нельзя прочесть, Николай Алексеевич придумал способ, как устранить этот недостаток. Как-то он предложил — вспоминает жена писателя Раиса Порфирьевна Островская, — прорезать в картоне полоски шириной, примерно, в строку. Через прорезы я буду писать прямые строки»...

Мы видим этот трогательный плод неутомимой энергии писателя — картонный транспарант в под ним лист бумаги, на котором в прорезах картона рукой Николая Алексеевича написаны строки... Прямые строки. Какая это была радостная победа!

Перейдем во вторую комнату. Здесь, в числе прочих экспонатов, собраны письма Николаю Островскому от читателей, полученные при его жизни и посмертные (музей Островского продолжает получать их и по сей день). В фондах музея насчитывается около 5 тысяч писем. Их авторы: знатные люди нашей страны, рабочие капиталистических стран, бойцы Красной Армии и Военно-Морского Флота,

стахановцы, политические заключенные болгарских, румынских и прочих тюрем стран капитализма, писатели, фермеры...

«Это письмо я пишу Вам из моего маленького домика на берегу реки Фитцрой в Коангале, Австралия. В то время, как пишу, по реке подымается медленно пароход, проделавший довольно длинный путь от Сиднея до гавани Рокхемптона». Так начинается письмо некий австралиец Том Хиней, спешивший выразить свой восторг по поводу только что прочитанной повести «Как закалялась сталь».

На днях музей получил письмо совсем другого рода. Бывший вор рассказывает в нем, что однажды, укрыв из вагона поезда чемодан, он обнаружил среди разных вещей томик «Как закалялась сталь». Вор прочел повесть. «После этой книги я дал слово жить честно и я его выполняю» — пишет этот бывший вор, ныне работник метрополитена...

Пять тысяч писем читателей — это живые нити, которые даже после смерти писателя продолжают объединять многомиллионную аудиторию вокруг бессмертной идеи, выдвинутой Николаем Островским в его произведениях. Собранные здесь же издания произведений Н. Островского, переведенных почти на всех языках мира, в том числе роскошное голландское издание, не менее богатое монгольское с его вертикальным шрифтом, корейское и другие, убедительно свидетельствуют об огромной популярности писателя-большевика среди трудящихся всех стран.

В личной комнате Н. Островского, в которой он жил и работал с октября 1935 года по 22 декабря 1936 года, все вещи сохранены в таком виде, в каком они были в последние дни жизни писателя. На

столике возле кровати лежит раскрытая книга и рядом с ней блокноты, карандаши. Кажется, что «Ундервуд» только что смолк, а на страничке блокнота совсем недавно сделана последняя запись. Микрофон телефона у изголовья постели кажется готовым передать слова хозяина комнаты.

Из этой комнаты, лежа в этой постели, Николай Островский произнес 6 апреля 1936 года речь по радио, прозвучавшую как полновзвучный гимн молодости, жизни и бодрости, для IX съезда комсомола Украины, делегатом которого он был избран. Здесь были записаны на пленку его новогодние выступления, здесь писатель диктовал первую книгу романа «Рожденные бурей» и беседовал с многочисленными писателями.

Ленинская библиотека, большие портреты Ленина и Сталина, бюст Анри Барбюса украшают стены этой строгой комнаты.

В московский музей Николая Островского продолжают поступать экспонаты. Трудящиеся страны спешат украсить музей — последнюю квартиру писателя — знаками своей любви и благодарности за те неистощимые источники бодрости, мужества и коммунистического самосознания, которые читатели Николая Островского продолжают находить в его книгах.

«Физически потерял почти все, осталась только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу». — написал однажды Николай Островский. Эти слова писателя-большевика являются лучшим эпитафием для содержательной, волнующей экспозиции музея Николая Островского.

Москва.

Б. ОРЛОВСКИЙ.